

И.Ю. Кобзев

РАЙ ДЛЯ ДВОИХ
(Умная проза)

„Тот сад? А может быть — тот свет?“
(Марина Цветаева)

1

А заметили ли Вы, мой читатель, что рай, который описан в Библии, был сотворен Богом только для двоих людей? Да и то нельзя сказать, что для двоих, ведь эти „двое едина плоть бысть“. Поэтому правильнее было бы сказать, что рай – это мир одного целостного человека, Платонова андрогина. Этот мир целиком заполнен его душой и никто чужой не „вторгается в его приватность“. А как только появляется этот другой-чужой, так и исчезает рай, и человек оказывается в земной юдоли, скроенной по адским лекалам. В Библии этот другой – „диавол“ или „змий“. Но суть его состоит в том же, в чем состоит суть любого „другого“, это чуждая воля, навязываемая извне обитателю рая. Эта воля вторгается в личное пространство, душа человека съеживается и замирает в тоске и неволе. И начинается жизнь, которую мы наблюдаем вокруг себя и которую считаем нормальной жизнью человека. Человек мучается в этой жизни, задает себе неразрешимые вопросы о причинах своих мучений, заставляет себя принимать найденные не им ответы, и снова мучается новыми вопросами. Это жизнь в тесном окружении „других“. Сартр был прав, когда сказал, что „ад – это другие“.

А рай - это любовь, которая делает любимого частью любящего. Душа одного становится и душой другого, и она вновь расправляется и простирается на весь тот мир, который заполнен любимым человеком. Этот мир и есть рай. Этот рай гениально описал Гоголь в „Старосветских помещиках“. Это рай двух любящих старичков Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. У них не случайно одинаковое отчество – они дети одного Отца, как Адам и Ева. Их рай „надет на них“ как их внешнее тело: „ни одно желание не перелетает через частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами“, - пишет Гоголь. Вся их жизнь в этом райском саду превратилась в одно непрерывное причастие друг другу и их миру через непрерывную еду с утра до вечера. Это жизнь, в которой не возникает никаких вопросов, потому что ответы на все вопросы уже даны прежде любых вопросов. Единственный вопрос, который задает Афанасий Иванович своей супруге носит чисто ритуальный характер и не является собственно вопросом, потому что не предполагает никакого ответа: „А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?“ - И они чего-нибудь закусывают.

Вы скажете: „Это же чисто телесная жизнь“, а я Вам отвечу: „Здесь уже нет разделения на тело и душу – это жизнь души через жизнь тела“. И приведу пример других „любящих старичков“, которых уже никто не сможет упрекнуть в примитивности, Владимира Набокова и его жены Веры. Когда они спускались в ресторан отеля, в котором жили последние годы своей жизни, Набоков спрашивал жену: „Вера, что я сегодня буду кушать?“ И это тоже был чисто ритуальный вопрос, потому что Вера знала, чего хочется Набокову, а он знал, что Вера это знает. Они тоже жили в раю, где вопросы уступили место ответам.

- Не следует ли из сказанного, что рай – это виртуальная реальность, существующая в сознании любящих друг друга людей?

- Именно это и следует. А Вас, что, не устраивает такой рай? Вам хочется рая в реальном мире?

- Да, знаете ли, хотелось бы. И чтобы не только для двоих, чтобы всем было хорошо, во всемирном, так сказать, масштабе...
- О! Не Вы первый и, увы, не Вы последний, кто возжелал сделать этот мир раем. Причем таким раем, в котором именно мне будет хорошо,
- Почему только мне? Всем!
- Ну да, всем как мне?
- Да, всем как мне. А что тут не так?
- А то, что получится как всегда, то есть „мне как всем“,
- Это почему же?
- Такова природа человека...

2

Вот Платон. Быть может первый человек, который захотел устроить реальный рай на Земле. Он описал его в своем „Государстве“. Платон не был наивным человеком, он понимал, что все не могут быть „своими“. Его „свои“ составили сословие философов-мудрецов в идеальном государстве. Это они определяют, что есть рай, и что не есть рай. И кто для этого рая „чужие“. Ими оказываются поэты, потому что они обязательно будут встречать в райское течение жизни со своими „несвоевременными мыслями“. Поэтому они изгоняются из идеального государства. Сословие трудящихся тоже не совсем „свои“ и чтобы держать их в „райских рамках“ Платон учреждает сословие надсмотрщиков-воинов, наградой которых за бдительность будет включение отличившихся в сословие философов. Вот такой идеальный концлагерь придумал Платон. С тех пор все проекты реального рая на Земле так или иначе воспроизводят эту платоновскую пирамиду „райских степеней“ или „кругов ада“, что на самом деле одно и то же.

Платон, как реальный революционер, пытался воплотить свой проект на практике посредством своего влияния на Сиракузского тирана Дионисия. Но Дионисий оказался дальновидным человеком - он разглядел в розовых мечтаниях философа жуткую адскую машину. И он продал Платона в рабство: в полном соответствии с предложенным проектом изгнал из своего реального государства носителя „несвоевременных мыслей“. Платона выкупили друзья, и он все-таки сумел устроить свой рай „в отдельно взятой“ роще Академа, где могли общаться только „свои“ и куда был заказан вход „чужим“, - над входом в Академию Платона было написано: «Да не войдет сюда не знающий геометрии». Так вместо концлагеря рай земной воплотился в монастыре – „монастыре интеллектуалов“. С тех пор все поиски земного рая заканчиваются именно этими двумя крайними состояниями – либо монастырь, либо концлагерь.

А бывало, что на одном и том же месте периодически существовал то монастырь, то концлагерь, причем часто с одними и теми же обитателями. Как на Соловках. Один из его обитателей, отец Павел Флоренский, с грустным сарказмом писал оттуда жене в 1936 году: „Наши желания в жизни осуществляются, но осуществляются и со слишком большим опозданием и в неузнаваемо карикатурном виде... у меня была мечта жить в монастыре – живу в монастыре, но в Соловках...“ Вместо рая – ад на том же самом месте. И с теми же самыми благими проектами. То ли рай – карикатура на ад, то ли ад – карикатура на рай. Но единственным подлинным раем в жизни отца Павла была его любимая жена „Аннуля“. Это и есть та самая виртуальная реальность, которую не могут „одолевать врата ада“. Потому что Бог это любовь, и не какая-то абстрактно-теоретическая, а вот эта самая, которая „сильна как смерть“, потому что только она делает жизнь подлинной, делает мир раем.

- А что же в таком случае делает жизнь адом?
- Желание бессмертия,
- То есть... как это?

- А так вот: некоторых, „избранных, счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой, единого прекрасного жрецов“ это желание подвигает к творчеству. А остальных, имя которым легион, оно же заставляет копить вещи, деньги, личный статус, что вобщем-то одно и то же. В этой бесконечной суете свое, а главное и чужое, существование приносится в жертву своим представлениям о продлении себя за пределы своей жизни. Это желание неизбежно отбирает пространство жизни у другого и превращает его жизнь в то или иное подобие ада. Мое „хочу“ отнимает чужое „есть“. Помните кадавра из сказки Стугацких? - Вот это и есть образ типичного обитателя земного ада. Поэтому рай возможен только там, где никто не покушается на мое жизненное пространство, там, где есть только я и моя любовь...

3

... Вот и лето пришло вместе с теплыми грозами. Мой сад ожил, наполнился листьями и пением птиц, он поднял свои зеленые ладони и спрятал в них от окружающего мира меня, мою жену и наш дом. Перед моим письменным столом окно, за которым тихо дышит зеленая стена моего рая. Нашего рая. Усталые тучи, тихо проплывая над ним, задевают своими животами кроны деревьев и те радостно вздыхают им в ответ. Свет меркнет, тишина нарастает, и когда она становится совсем невыносимой, в ней возникает шум дождя.

Люблю когда идет дождь. Прежде всего потому, что люди от него прячутся по домам, и хотя бы на время дождя можно почувствовать себя в райском одиночестве. Нет ни деревни, ни навязчивых звуков убогой жизни ее обитателей. Мир замер и молчит пока идет дождь. Пока идет дождь я могу забыть о мире. Это на эпитафии можно похвастаться: „Мир ловил меня, но не поймал“, но пока жизнь не закончилась, все может стать. Мир упорен в своем зле, которое буйно произрастает на человеческих желаниях. А человеческими желаниями, как известно, рулят бесы – бес сребролюбия, бес тщеславия, бес трудолюбия и прочие, которым несть числа. Люди трудятся целыми днями без устали, гонимые завистью и жадностью, и шум их жизни не дает мне покоя, чтобы пить сладкий мед моего одиночества. Как это у Пушкина: „Мчатся бесы рой за роем... визгом жалобным и воем, надрывая сердце мне“. Очень точно. Вот это и есть мир чужих, который устроен как ад. Он кружит вокруг нашего дома и сада, угрожая когда-нибудь разрушить стену этого рая, которая удерживается только моими молитвами.

- Вы законченный мизантроп!

- Да, „миз“, но не „антроп“. Потому что это все не „антропы“. Во всяком случае не те „антропы“, о которых говорится в „антропном принципе“. Протагоров человек или человек Декарта – это человек, живущий разумом. Или лучше сказать – человек, в котором живет разум. А мирской человек, простой обыватель, полуобразованный или вовсе невежественный живет своими инстинктами и привычками. Разумом он не пользуется. И к тому, кто им пользуется, относится со смешанным чувством страха и ненависти. Пока страх уравновешивает ненависть, мыслителю еще можно существовать в этом мире. Но бывают времена, когда ненависть превышает страх, тогда мир бесжалостно расправляется с отщепенцем.

- Выходит, что мыслитель в этом мире может существовать только как отшельник?

- Да. И это неизбежное следствие того, что разум появился у животного как лишнее для его жизни свойство. И пока жизнь этого странного животного будет управляться привычными эволюционными программами его вида, оно будет избегать своего разума. А тот, кто начинает жить своим разумом, неизбежно обречен на отшельничество в таком социуме.

- На отшельничество и поиск личного рая?

- Именно так. Свой дом, свой сад и непременно забор вокруг сада. И зеленая лампа на письменном столе. И завет Василия Васильевича Розанова: „Крепче затворяйте двери дома. Не отворяй ее часто, не ходи на улицу, не сходи с лестницы своего дома – там зло“.

- Это как у Цветаевой:

„За этот ад,

За этот бред,

Пошли мне сад

На старость лет...

...Сад: ни шажка!

Сад: ни глазка!

Сад: ни смешка!

Сад: ни свистка!...

Сад — одинокий, как сама“,

- Да, да, она тосковала по такому раю. Но сама, не догадываясь быть может об этом, в мирском аду творила рай для своих читателей,

- Что вы имеете в виду?

- То что искусство – это рай для разума в мире, где властвует животная жизнь...

4

...Почему искусство? Потому что в искусстве нет „других“, искусство всегда предназначено для меня одного. Зритель или читатель всегда один, как и творец-автор. Все персонажи художественного произведения - „свои“ для читателя или зрителя. Даже отрицательные персонажи. Они непременно обаятельны как обычно бывают обаятельны собственные наши недостатки и пороки. Вспомните Комаровского в фильме „Доктор Живаго“ или Паратова в фильме „Жестокий романс“, или Мюллера из „Семнадцати мгновений весны“. Вы спросите: „Почему?“ Да потому что мы присваиваем себе произведение искусства целиком, делаем его нашим собственным внутренним виртуальным миром. И этот мир у разных людей разный, хотя порожден он одним и тем же произведением искусства. И хотя мы можем восхищаться одним и тем же романом, обсуждая его с другим человеком, на самом деле мы говорим с ним о разных романах, каждый из которых совершенно непроницаем для собеседника. Есть проблема непереводимости не только между разными культурами и языками, но и между двумя разными людьми, которые друг другу „чужие“. Но этот барьер неожиданно оказывается проницаемым в случае когда в одно и то же произведение искусства погружаются два любящих друг друга человека – мужчина и женщина. Они видят и чувствуют одно и то же, потому что рай у них один на двоих, как в окружающем мире, так и в искусстве. И в этом раю нет зла и нет нравственности...

- Как нет нравственности? Искусство безнравственно?

- Искусство безнравственно как и любовь. Об этом Толстовская „Крейцера соната“. Там ведь не о страсти речь идет, а о воздействии музыки на человека, там Бетховен обвиняется в убийстве, которое совершил Камышев. Потому что для Толстого главное свойство искусства – его „заразительность“. Оно заражает человека, вовлекает его в себя помимо его воли, присваивает его себе, „зомбирует“, если угодно. Так же как и любовь, в которой любящие присваивают друг друга себе со всеми своими недостатками и пороками. Какая тут может быть нравственность, когда любовь оправдывает все в любимом человеке. Нет, нравственность обитает там же, где и политкорректность – среди чужих друг другу людей. А в раю любви и искусства властвует истинное бесстыдство. Как в жизни старых супругов, у которых уже нет никаких тайн друг от друга. Но именно поэтому эти сферы жизни закрыты для „других“. Потому что если их сделать открытыми, они сразу станут отвратительными.

Как отвратительны комментарии искусствоведа к картинам Дали или Босха,

- Как отвратительны коллективные сеансы порнографии, где „свое“ превращается в „чужое“.

- Кстати, о Библейском грехопадении: ведь это как раз описание того, как „присвоенные“ друг другу любящие люди становятся друг другу „чужими“ и сразу между ними возникает

стыд и рай превращается в унылый мир социальных условностей. В этом и заключается изгнание из рая. А рай, который открыл нам Данте, это место, где между людьми происходит совершенное „присваивание“: „ты вменяешься“, „я втебяиваюсь“, „он вневоеивается“ - так это перевел на русский язык Микушевич в „Божественной комедии“.

- Ну ладно, это искусство. Так сказать: „И пред созданными искусствами и вдохновенья Трепеща радостно в восторгах умиленья“. Ну а что же в реальной жизни, так и будет мучаться человек в аду своей раздвоенности между Homo и Sapiens? Повседневная жизнь Homo всегда будет адом для Sapiensa, а рай Sapiensa всегда будет оскорблением идеалов порядочного Homo?

- Увы. До сих пор в истории всегда было именно так. Правда в XX веке родилась новая утопия – Касталия Германа Гессе. Это вариант рая как побочного продукта системы просвещения. Стругацкие тоже в конце своей жизни пришли к педагогической утопии. Эти мыслители приняли неизбежность разделения человечества на два подвида, как Вы их назвали Homo и Sapiens. Первым принадлежит мир, реальный социум с его „мейнстримами“. Вторым – Касталия, добровольный монастырь умствующих чудаков, которых терпят в миру как хороших педагогов. Вряд ли такая система будет устойчивой, но пока мир будет терпеть существование Касталии, там может продолжаться преимущество существование человека разумного, ради которого и была сотворена Вселенная.

- Вы верите в возможность Касталии в нашем мире?

- Увы. Когда я включаю телевизор, то не верю. А когда выключаю, то вспоминаю, что не было такой утопии, которая бы не стала реальностью „в неузнаваемо карикатурном виде“. В любом случае Касталия - это не мой рай. Я уже не доживу до этих экспериментов. Мой рай – это рай Розанова: „Просто сидеть на стуле и смотреть вдаль...“

5

... Шелест, шум, шуршание дождя. Тонкий звон струйки, стекающей с крыши в железный желоб. Капли висят на водостоках сияющими жемчужинами. В саду идет дождь. Тучи как бесформенные осминоги запутались своими клубящимися щупальцами в еловой щетине горы и тщетно пытаются оттуда высвободиться. Но гора держит их крепко, и они „жалуясь и плача“ изливаются на сад и дачу. Мы с женой сидим на веранде, молча пьем чай и смотрим в дождь. Жена вздыхает и говорит:

- Повезло тебе, фраерок,

Я привычно отзываюсь:

- А то,

Эти ритуальные фразы ничего не значат, как ничего не значат фразы, которыми обменивались гоголевские Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна. Потому что в раю нет слов. Точнее все слова обозначают одно и то же: „Я тебя люблю“. И именно поэтому словами здесь не пользуются. Это мир тишины:

„Все говорит в тиши на языке души,
Единственном, достойном пониманья“ .

На этом языке шумит, шуршит и шелестит под струями летнего дождя мой сад.

„Тот сад? А может быть — тот свет?“.